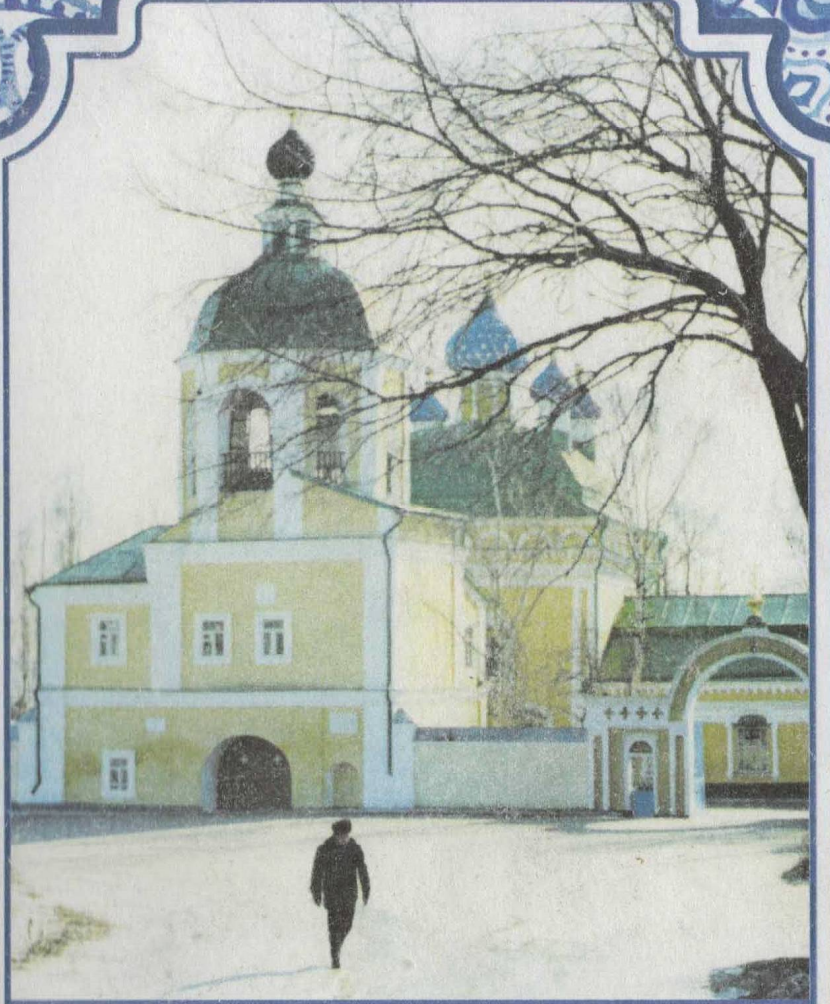

T-33

130

Г. РЫЖКИН

Краеведческие
записки

Г. РЫЖКИН

Краеведческие записки

Выпуск шестой

2017

Рыжкин Г. В.
Краеведческие записки, выпуск шестой, 40 с., с илл.

В шестом выпуске «Краеведческих записок» повествуется о городском голове Н. И. Маслове, о судьбах Лавровых и Матвеевых, о купеческом роде Головиных, о городском кладбище, об истории выборов в Ливнах (последний материал удостоен третьего места на Всероссийском конкурсе «Выборы-2016»)

Адресована широкому кругу читателей.

Автор благодарит А.С. Кобылкина за предоставленные материалы к главе «Головины».

Использование материалов — по согласованию с автором.

© Рыжкин Г. В. — 2016

© Дизайн автора

На обложке: Свято-Сергиевский храм, 2004 г.

Фото из архива автора, из архива А. А. Лодкина, из архива А.С. Кобылкина.

Компьютерная вёрстка С. Сажин.

Сверстано и отпечатано на полиграфическом оборудовании
ООО «Уездный город», 303851 Орловская обл., г. Ливны,
ул. Мира 191-Б. Зак. №1, т. 20 экз.

Как пастух стал городским головою

Николай Иванович Маслово. Около 1880 года.

После публикации материала «Врач – бессеребренник» о ливенском враче М.Н. Маслове в пятом выпуске «Краеведческих записок», нам позволил из Петербурга Андрей Александрович Лодкин, который сказал, что он является внуком Маслово и располагает материалами о своих предках. На основании их мы и подготовили повествование об отце М.Н. Маслово, который являлся в XIX веке головой города.

«Из него прока не будет»

Дед будущего градоначальника, живший еще в XVIII веке, занимался грабежом на больших дорогах, но был пойман, наказан плетью и поселился в Ливнах, где и положил начало семейству Масловых. Его сын Иван приписался в купцы, торговал скотом. Для закупки товара отлучался на юг, в степи и на Кавказ вместе с сыном Николаем. Воспитание трех дочерей ложилось на жену Катерину Николаевну.

Воспитание детей в купеческой семье было тогда несложным: выучиться с грехом пополам писать и читать. Главное внимание обращали на рукоделие и хозяйство: научить дочерей стряпать, печь пироги, варить варенье... Научиться вязать, шить и вышивать. Развлечения были однообразные: посидеть за калиткой, щелкая подсолнухи, да поглазеть на прохожих. По праздникам — утром к обедне, а вечером — в городской сад, а иногда — к подругам.

Другой была жизнь брата Николая. С 12 лет его стали учить грамоте у старичка, отставного солдата, и он так пристрастился к чтению, что стал доставать книги, где только мог, и все свободное время уделял чтению. Родственники и знакомые стали наговаривать на Николу, что из него «прока не будет» от чтения «блудных» книг. Видя в нем будущего кормильца семьи, родители стали приучать его к торговле, и всякий раз, заставая за книгой, гневались — били мальчика розгами, а затем переменили тактику воспитания, — отец стал брать его в путешествия за покупкой скота. И он превратился в обыкновенного пастуха...

Кроме торговли скотом, семья купца Маслова занималась мыловарением. На окраине Ливен имели небольшой заводик. Лет с пятнадцати Николай вместе с приказчиком ездил продавать мыло на ярмарки в окрестные села и соседние города. Юноша сметливый и расторопный, он вел дело прибыльно, и родители смирились с его увлечением книгами, хотя знакомые продолжали смотреть на него, как на чудака.

Книги помогли

Когда Николаю было 19 лет, умер отец, и на его попечении остались мать, сестры, мыловарня да лавка возле дома. Вот к этому времени и относится его знакомство с Акимом Васильеви-

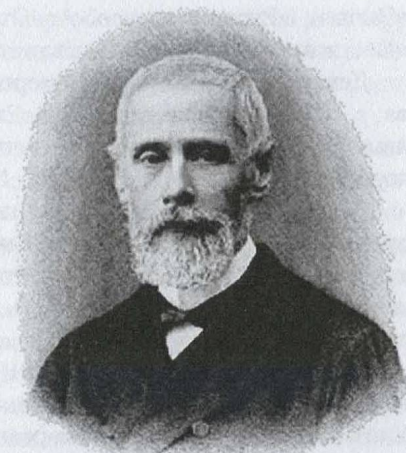
чем Горбовым, одним из самых авторитетных лиц среди ливенского купечества того времени.

Как же мог начинающий мелкий купчишка познакомиться со столь влиятельным человеком? А все произошло так: приехал в Ливны сын Горбова, Михаил — студент практической академии. Случайно встретился с Николаем и нашел в нем весьма начитанного собеседника, рассказал об этом отцу. Когда отец Горбов поближе взглянул на Николая Маслова, то увидел перед собою не «чудака», как говорили в городе, а способного, ищущего молодого человека. Стал снабжать его книгами, преподавал советы практической мудрости и купеческого дела. Так продолжалось несколько лет. Потом старик заболел. Умирая, назвал Николая своим пятым сыном.

Жила семья Масловых в деревянном домике с мезонином. Дела у Николая Ивановича начали понемногу поправляться. Изучив глубоко мыловаренное дело по книгам, он стал улучшать производство. Мыло его стало чище и лучше, чем у других мыловаров, которых в Ливнах было несколько. Они начали поговаривать: «А Никола-то не глуп, оказывается».

С улучшением материального положения у сестер появились женихи. Вскоре младшая вышла замуж за елецкого купца Деева, Олимпиада — за местного купца Аксенова.

Еще у Горбова он познакомился с местной интеллигенцией, купеческими фамилиями, но никогда не заискивал перед теми, кто был выше его по общественному положению, наоборот, учился у них полезному. Рано вставал, ходил к обедне по праздникам, хлопотал по улучшению производства и торговли. Когда появились деньги, стал покупать и выписывать книги и журналы: «Современник», «Время»,

Михаил Акимович Горбов
(1826-1894).

«Эпоха», «Русское слово». А «Отечественные записки» вместе с «Вестником Европы» выписывал до самой смерти.

Девять лет прошло после смерти отца Ивана Петровича Маслова, в 1853 году скончалась мать Екатерина Николаевна. Над могилами родителей Николай Иванович поставил общий памятник (на городском кладбище, где ныне пл. №1 ОАО «ГМС «Ливгидромаш»).

Дела у него шли хорошо, он подвигался к возрасту, когда в то время богатые начинали думать о женитьбе, - к 35 годам. Любая из купеческих дочерей могла бы пойти ему в жены, но он хотел иметь жену образованную, чтобы видеть в ней друга и товарища. Случай столкнул его с такой девушкой.

Квартиру в мезонине Николай Иванович сдал молодому помещику Дмитрию Васильевичу Положенцеву, к которому приехала сестра Елизавета из деревни, девушка ровная, умная. Свадьбу отпраздновали в Задонске, медовый месяц пробыли в Петербурге, потом вернулись в Ливны, где отделивался дом.

Этот дом стал самым открытым в городе. Наклонности Николая Ивановича к гостеприимству получили наибольшее развитие. Но он никогда не забывал, что относится к купеческому званию и что в глазах дворян был человеком второго сорта. Однако, никогда не терял достоинства.

На этой почве у него произошел разрыв с одним ливенским помещиком - дворянином, предавшим его во время выборов в земское собрание. Когда Маслов попросил объяснить, то помещик ответил ему свысока, намекая на свое дворянское происхождение. Больше в доме Николая Ивановича изменник не появлялся...

Дела шли блестяще

После женитьбы он приобрел в Ливенском уезде имение Новоселки. Лето семья проводила в деревне, зиму - в городе. Родились дети Софья, Сережа, Михаил, нужно было дать им образование. Москва - город, в котором можно его получить, так думал Маслов. Поэтому решает отправить жену с детьми в этот город. Поезд из Ливен отходил вечером. Начальник дороги прицепил для Масловых директорский вагон. Провожающих собралось много. В Орле Николай Иванович простился с семьей и вернулся в Ливны. Дом был

преобразован: верхний этаж был переоборудован под его квартиру, нижний этаж был отдан внаймы под банк. Пока дети учились в Москве, он работал для них в Ливнах, а чтобы меньше страдать от одиночества, отдался общественной деятельности.

Еще до проведения в Ливны железной дороги (1870 г.) он принимал непосредственное участие в депутации, ходатайствующей о постройке ветки Верховье - Ливны. В 1872 году при открытии в Ливнах отделения Орловского коммерческого банка он принял его под свое управление по настоятельной просьбе правления банка. Дела пошли блестяще. «Уж если Николай Иванович взялся за это дело, то сомневаться нечего», - говаривал ливенский коммерческий люд.

Несколько раз просили горожане баллотироваться его в головы города, но он не искал почетных мест. В 1880 году просьба большинства членов собрания Думы перешла в требование, - его просто-напросто не выпускали из помещения Думы, пока он не дал согласия на выборы. Поддался просьбам и был избран городским головою.

В то время в городе числилось 14190 жителей, церковей - 8, училищ - 4, больница, гостинный двор, лавок - 175, фабрик и заводов - 12 (в том числе 3 пенькотрепальных, 3 мыловаренных), маслобен, крупорушек - 17. Ярмарки две - в 10-ю пятницу на Пасхе и 29 августа.

Одной из первых забот его было улучшение учебных заведений, как во внешнем их виде, так и во внутреннем устройстве. Далее претерпел изменения тюремный замок. Базарная площадь представляла собою верх безобразия: полуразвалившиеся лавки торговцев, сбитые кое из чего мелочные лавчонки. За одно лето площадь преобразовалась, - были построены здания с отделениями для лавок. Городской сад не узнать: прекрасные постройки, беседки, цветники и клумбы, игры для детей, зал для танцев. Маслов не любил многодневной бесплодной переписки. Просто брал лист бумаги, садился в сани или в коляску и ехал к состоятельным людям. Просил пожертвовать, кто сколько может на бедность. В первый же день лист был покрыт весьма крупными цифрами. Быстро собрал в фонд благотворителей 13 тысяч рублей. Истинно бедные получили ощутимую помощь, были устроены кухни, где нуждающиеся получали обед.

К своей семье в Москву Маслов наезжал несколько раз в год по праздникам. На лето семья приезжала в Новоселки, по субботам и воскресеньям он навещал ее. Дети ждали отца с большой радо-

*Софья Николаевна Маслова
(1863-1949).*

стью, которую приносили не только подарки, но и общение с ним. Возьмет, бывало, Николай Иванович деток и пойдет с ними по полям, лугам. Детей было пятеро: Сергей был в пятом, а Михаил в четвертом классе Поливановской гимназии в Москве. Софья уже кончила курс, под ее опекой были две малолетние дочки...

Болезнь его началась в мае 1882 года. Местные врачи Л.И. Златковский и А.А. Восинский занимались лечением Маслова, но оно помогало мало. Было решено ехать на лечение в Киев, где он через пять дней скончался.

Экстренный поезд с духовенством и певчими выехал за гробом в Верховье... Погреб-

альная процессия тянулась на целую улицу. Священник отец Сергей Тезавровский в день погребения 25 августа 1882 года в Троицкой Соборной церкви произнес прощальное слово. В газете «Орловский вестник» был напечатан некролог, где сказано, что смерть Николая Ивановича Маслова - «одна из великих утрат для Ливен»...

Похоронен он был рядом с могилами отца и матери на городском кладбище. Там же спустя 47 лет упокоен и его сын Михаил, ставший помещиком, построивший больницу в Новоселках (сейчас посёлок Михайловский Ливенского района), а при советской власти врачевавший ливенцев в Ливнах. Второй сын Сергей, кандидат права, в царское время - председатель Орловской губернской земской управы, с марта 1917 года - губернский комиссар Временного правительства. С 1910 года он являлся гласным в губернском земстве от Ливенского уезда. В 1920 году эмигрировал за границу. Умер в 1925 году в Египте.

Что касается дочери Софьи, то как раз на основании ее воспоминаний, сделанных еще в 1885 году, и написан этот материал.

Начинались судьбы в Ливнах

Лавровы

П.С. Лавров, 1914 г.

Ливенская помещица Нина Илларионовна Лаврова имела землю вблизи деревни Богдановка на реке Дубовчик. Это в двадцати километрах на юг от Норовки. Местечко было степное, небольшое, но что удивительно — до сих пор сохранившееся.

Все четверо детей учились в Ливнах. Мальчики Федор и Павел — в реальном училище, дочери Александра и Софья — в женской гимназии. Созданные в конце XIX века, эти учебные заведения были весьма привлекательными не только для молодых людей Ливенского уезда, но для всей юго-восточной части Орловской губернии, и давали хорошие знания.

Старший сын Федор закончил позднее Петровскую (Тимирязевскую) академию и стал специалистом по молочному делу. Работал в Подмоскowie и снабжал столицу свежими молочными продуктами.

Дочь Александра вышла замуж за царского офицера-топографа, но чем-то не понравился ее муж Александр Богословский ежовским сатрапам: в 1937 году и сгинул по обвинению во вредительстве. Александра Стефановна Лаврова учительствовала в подмосковной Малаховке. Потом, постарев, уехала к дочери в Усть-Каменогорск, где и скончалась.

Сын Павел был самым младшим у Лавровых. После Ливенского реального поступил в юнкерское училище. Когда в царской армии создается отряд русских летчиков, добывается зачисления в него. Тогда в России имелось всего несколько десятков аэропланов иностранного производства. Освоив летное дело, направляется на стажировку во Францию, которая тогда являлась лидером по созданию летательных аппаратов. Летает на «Фарманах», «Вуазенах», «Ньюпорах».

К началу Первой мировой войны Россия стала лидером по количеству самолетов, имевшихся на вооружении: авиация насчитывала 250 машин, укомплектованных летчиками и техническим составом.

Павел Лавров участвует в боевых вылетах вместе с товарищем по юнкерскому училищу Александром Богословским (позднее стал мужем сестры Павла). Они приходят к такому выводу: большую помощь сухопутным войскам оказали бы фотографии вражеских позиций, сделанные с высоты. Продвигает вперед свои намерения: подбирает фотоаппараты, определяет места установки их на самолете, заинтересовывает начальство. Военное министерство одобряет затею офицера. Они с головой окунаются в новое дело, ведут аэросъемки, но немецкая разведка не дремлет. В одном из вылетов взорвалась «адская машина», прикрепленная к аэроплану. И не стало Павла Лаврова, которого так любила мать Нина Илларионовна. Во время революционной

бури, когда крестьяне начали грабить имение Богдановку, она спешно покинула деревню, почти ничего не успев вывезти, однако фисгармонию, купленную когда-то на ливенской ярмарке, не оставила. Помнила, что музыкальный инструмент покупали в подарок Павлу, и он очень любил играть на нем, когда приезжал на побывку из Ливен в деревню.

Дочь Софья переехала в Париж в 1904 году после окончания Ливенской женской гимназии (сейчас в здании располагается школа №6). Не развлекаться и не знакомиться с парижскими достопримечательностями. Одно единственное желание привело ее во Францию — поступить в Сорбоннский университет. Не останавливали ее ни суровое неприступное здание учебного заведения, ни то, что экзамены принимались на французском языке, а ведь гувернантки-француженки у нее не было в Ливнах (просто потому, что не доставало средств), никаких репетиторов не нанимали. Все знания она почерпнула в Ливнах в гимназии. И вот, приехавшая одна, выдержала экзамены и поступила в университет. Поистине «русская культура рождалась не в столицах, а на периферии».

Генерал Матвеев

Но в истории с поступлением есть один весьма важный нюанс, о котором мы умолчали: перед приездом в Париж Софья уже была повенчана с офицером царской армии Иваном Матвеевым....

В XIX веке проживал в Ливнах крестьянин Гаврила Матвеев, занимался огородничеством, выращивал овощи, имел доход. Дочь Елизавета закончила прогимназию, вторая дочь Мария — женскую гимназию, сыновья Василий и Иван получили среднее образование в реальном училище, последний уехал в Чугуев, где закончил школу подпрапорщиков. В один из приездов в родной город познакомился с Софьей Лавровой, только что закончившей учебу в гимназии. Влюбился. На предложение жениться мать Сони дала отказ: для нее Иван Матвеев был всего штабс-капитаном, сыном огородника, да и разница в возрасте была немалая. Софья заметалась, но чувства были выше жизненных условностей, договорились с Иваном так — замужество состоится в том случае, если он даст возможность получить образование в Сорбонне. Молодые обвенчались в сельской церкви

И. Г. Матвеев, 1918 г.

тайно, и поезд укатил влюбленную пару к месту службы мужа – в Варшаву.

Начинается война с Японией, Иван Матвеев продолжает службу на Дальнем Востоке. После поражения России остается в армии. Дослужился до генерала. Первая мировая война застала Матвеевых на отдыхе на Кавказе. Император Николай II поручает генералу организовать эвакуацию всех государственных учреждений из Польши в Россию. Поляки перевезли свой скарб, получили квартиры, устроились на работу, учащиеся и студенты продолжили учебу в русских учебных заведениях. Переселенцам понравились новые условия, и даже после образования независимой Польши многие остались жить в России. Царь назвал порученную генералу Матвееву операцию «образцово проведенной». Всего у него 8 орденов и 6 благодарностей от императора...

С.С. Матвеева, 1904 г.

После революции его называли «красным генералом», вероятно, во многом здесь сыграло роль происхождение: ведь был он сыном огородника. Возраст и сердце давали о себе знать, его по болезни отпустили из армии. Приехал в Ливны, в 1918 году в апреле скончался. Об этом есть сообщение во втором номере ливенской газеты «Пахарь». Похоронили его, по свидетельству газеты, «со всеми, надлежащими его званию, почестями». На городском, не существующем ныне кладбище.

Оставшись с дочерью Татьяной, Софья Стефановна Лаврова-Матвеева отдала себя учительскому делу. Она придерживалась такого правила в работе: полноценное развитие человека, возникает только при совмещении умственных способностей и физического труда. Ее деятельности посвящен раздел в музее истории Москвы, а личные вещи И.Г. Матвеева хранятся в музее А.В. Суворова в Петербурге.

История «Чёрного квадрата»

Н.М. Молева, 1947 г.

Внучка их, Нина Михайловна Молева, доктор исторических наук, кандидат искусствоведения, член союзов писателей и художников. Автор многих книг по истории и искусству. Она написала о подвиге 225-го Ливенского пехотного полка, защищавшего Осовец (Польша) во время первой мировой войны. До ее начала сюда из Ливен приезжали проводить солдат-срочников родные...

... Первая атака германцев была отбита, несмотря на превосходящие силы противника. Название «Осовец» стало на слуху в России. В крепость прибыл государь, чтоб вручить отличившимся Георгиевские кресты. Че-

рез год немцы вновь атаковали крепость и опять безуспешно. И тогда по линии обороны русских, дождавшись, чтобы ветер дул в их сторону, они применили заряды с ипритом. Смертельное облако накрыло поднятый в контратаку полк, солдаты и офицеры падали, словно подкошенные. Когда облако рассеялось, немцы пошли в атаку.

И тут случилось чудо: «мертвецы» встали, и кайзеровские солдаты в испуге бросились назад.

Этот феномен в учебниках военной истории назван «атакой мертвецов», а русские солдаты остались живы благодаря испарениям, шедшим от болотистой земли. С обожженными легкими они нашли в себе силы вновь подняться против врага. Многие тогда из ливенцев погибли.

Нина Михайловна Молева рассказывает, что в 1913 году, еще до начала войны, из Ливен поехал навестить родных и знакомых в 225-й полк С. Кржижановский вместе с Казимиром Малевичем, будущим

Крепость Осовец. Наши дни.

автором «Черного квадрата», шедевра авангардной живописи. В Осовце увидел художник поразившую его картину: среди болот — огромный квадрат ворот крепости, куда исчезали ехавшие с учений солдаты, повозки, пушки. Вот тогда и вспыхнула в голове художника идея «Черного квадрата». А потом появился «Красный квадрат», когда после второго штурма крепости в 1915 году вода в Немане окрасилась в красный цвет...

Много раз Нина Михайловна в своих произведениях обращается к Ливнам и ливенцам, объясняя это так: «... Потому что русская культура всегда зарождалась на просторах России и лишь потом собиралась в столицы..., в таких городах, как Ливны, начиналась она...»

ГОЛОВИНЫ

Род Головиных в Ливнах не относится к знаменитому купеческому сословию, но благодаря разветвленности известен в округе.

*Иван Федорович Головин
с супругой Натальей Андреевной.*

Вообще говоря, фамилия Головины относится к числу тех, кто были первопоселенцами на ливенской земле после строительства крепости Ливны в 1586 году, о чем свидетельствует Переписная книга в 1615 году. И первым назван сотник казакий (предводитель сотни казаков) Иов Головин, руководивший казаками Беломестной слободы, которых насчитывалось 60 человек. По переписи 1646 года числится полковой казак Максимко Головин, может быть, сын Иова. В первой переписной книге также фигурирует владелец лавки в Большом остроге (Кремле) Остафий Головин. Все они могли быть зачинателями рода Головиных на Ливенщине, хотя первым свидетельством начала этого рода является надгробие из черного гранита, обнаруженное два десятка лет назад на кладбище села Екатериновка. На нем начертано: «Господи, прими дух его с миром. Здесь погребено тело ливенского купца Головина Федора Константиновича, скончавшегося 14 ноября 1877 года. Жития его было 55 лет и 9 месяцев». Значит, родился он в начале 1822 года. Коль похоронен он в Екатериновке, то, значит, — он или родился здесь, или жил.

Сыновей у него было шесть и две дочери. Самым известным и преуспевающим считался Яков. Как вспоминал потомок, Яков Федорович всех Головиных «держал в ежовых рукавицах», все жили одним капиталом, никто не имел намерений разделиться. Он был «царь и бог». Проживал он в слободе Беломестной в двухэтажном мрачном каменном доме. Служил в городской Думе в качестве заместителя городского главы, был членом земской управы, заведовал городской богадельней (приютом для стариков и инвалидов), пользовался почетом и все братья выполняли его задания, работая в разных местах. Имел водяную мельницу в сельце Алексеевка на реке Тим с 19 рабочими. Эта мельница считалась средней, уступая адамовской, бондаревской. Жена Александра Васильевна была весьма доброй и хлопотливой женщиной, опекавшей многочисленных детей рода Головиных. И еще в доме жила старушка — мать, вдова рано умершего Федора Константиновича Головина.

Второй брат Иван Федорович женился на дочери священника о. Андрея Переверзева Наталье, окончившей курс Ливенской прогимназии и был управляющим мельницей в Екатериновке на Кшени, которую его брат Яков арендовал у князя В.В. Голицына, проживавшего в д. Луги рядом с с. Сергиевским. Жилой дом стоял при мельнице. Иван и Наталья Головины имели восемь детей, старый дом

стал тесноват и по инициативе брата Якова Иван стал строить новый дом (1890 г.). Во всей Екатериновке тогда не росло ни одно деревце. Сажали, но они засыхали. Такая уж была почва — одни только камни. Бедное было село.

В этот же год дети братьев, в том числе и два Ивана, приехали в Ливны и поселились у Якова Федоровича. На первом этаже мальчики, на втором — девочки, всего 11 человек. Некоторые поступили в женскую гимназию и реальное училище. Учебные заведения стояли на горе. В плохую погоду кучер Алексей запрягал в линейку старого мерина и вез детей через переправу по Акатовской горе к месту учебы.

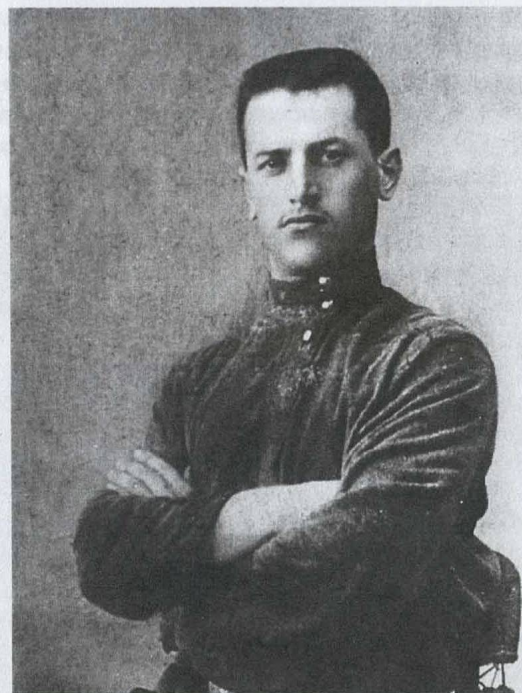
Но тут пришли беды. В 1890 году умерла жена Ивана Наталья, а в 1904 году — и он сам в Ливенской больнице.

Третий брат Егор Федорович вселился в новый екатериновский дом, который успели отстроить. Его жена, имея пятерых детей, не жаловала детей Ивана. Да тут еще случился пожар на мельнице — сгорел семиэтажный мукомольный амбар и все надворные постройки. Сгорел и виновник — мальчик, который нечаянно уронил горящую керосиновую лампу в бункер с мукой. Начались скитания детей Ивана Головина. Однако одна из дочерей Роза женскую гимназию закончила в 1896 г. и поступила учительницей в село Козьмо-Демьянское (ныне Козьминка) Ливенского уезда.

Четвертый брат, Дмитрий Федорович, жил и работал в Русском Броде на арендованной мельнице с женой Марией Ивановной. У них было 10 детей и кроме няни они держали гувернантку.

В начале XX века род Головиных все более беднел. Имение Новоселки (ныне Должанский район), которым владели братья Головины, с небольшим домом и садом было продано местным крестьянам. Сын Ивана Федоровича Владимир, стараясь в духе своих предков жить дружно, помогать друг другу, хотел собрать свою семью под одно крыло. На Рождество он пригласил всех родственников к себе в село Волово, где он открыл пекарню, но дело не пошло, потом он где-то купил сад, хотел промышлять фруктами, но и это не заладилось.

А потом грянула революция, наступил черед передела собственности. Куда делись братья Головины, нам неизвестно, по миру разъехались многочисленные дети, внуки. Кто-то остался на родине. Как вспоминала в 1946 году одна из дочерей Ивана Федоровича Головина, брат Володя работал в Куйбышеве в типографии, другой брат Коля — на строительстве дорог в Чите.

*Тихон Григорьевич Пенков, учитель
Успенской средней школы.*

Десятка полтора лет назад житель Екатериновки Иван Федорович Калугин, инвалид войны, едва передвигавшийся на костылях, вспоминал, что до строительства церкви крестили, венчали, отпевали в церкви села Сергиевского, там же и хоронили. И так продолжалось до тех пор, пока купец Головин не построил деревянный храм в Екатериновке. Кто это был из Головиных, он не знает. Может, Федор Константинович, а может, и Яков Федорович постарались. Иконостас в церкви был богатый. «И я венчался в этом храме в 1932 году», — добавил он в конце нашего разговора.

Потом пришло время смуты. Церковь начали переоборудовать под клуб. Сначала сняли крест с колокольни, потом разобрали ее верх. Поснимали колокола. Малые разбили на куски, большой колокол бригадир предложил не трогать, а приспособить его для побудки

на работу колхозников по утрам, трезвонить при пожарах. Так и порешили, однако приспособить колокол для пользы так и не нашли время. Пропал колокол куда-то. А церковные иконы, книги свалили в кучу, покидали на повозку и повезли в Никольское, тогдашний районный центр. Кое-кто успел незаметно спрятать несколько икон, они были целы еще в XX веке.

Когда мы спросили, куда мог деться строитель церкви купец Головин, нам ответили: «не помним, не знаем».

Продолжим повествование о судьбе Головиных. Дочь Ивана Федоровича Головина Роза, учительствовавшая в Козьминке, вышла замуж за учителя географии Тихона, который закончил Ливенское реальное училище и работал в Успенском. Жили в одной из комнат школы, которую построил купец Адамов. Родились у них трое детей. Во время коллективизации родителей Тихона Пенькова раскулачили и сослали. В 1937 году пришла беда и в семью Тихона и Розы Пеньковых. Ночью приехали чекисты из Ливен и исчез из села учитель географии. «Раз арестовали, стало быть правильно», — рассуждали сельчане. Кто-то вспомнил, что совсем недавно на встрече с кандидатом в депутаты Верховного Совета начальником Управления народного комиссариата по Орловской области Пихнусом Симановским Тихон Григорьевич задал неуместный вопрос: «Почему кандидата из Орла рекомендуют, у нас в селе много достойных людей?» Да еще говорил на селе, что за границей коневодством занимаются серьезно, а у нас абы как.

Воспитала одна Роза Ивановна троих детей, один из сыновей погиб на фронте, а дочь Елена, как и родители, стала учительницей, тихо умерла в 1989 году. Говорят, что муж Розы Тихон прислал ей в 1947 году письмо, сообщил, что отсидел положенные 10 лет, просил разрешения вернуться из Средней Азии. Роза Ивановна тогда ютилась в землянке, боялась, что, как жену «врага народа», лишат ее и этого жилья. Сказала детям, что погиб отец на фронте.

Не благосклонна судьба была и к Зинаиде Ивановне Головиной. Мужа забрали на войну, она с детьми эвакуировалась в тыл. Когда поезд остановился на какой-то станции, побежала набрать воды, тут налетели немецкие самолеты и начали бомбить. Когда прибежала к вагону, то увидела одни обломки, все четверо детей были мертвы.

Внук Розы Ивановны Александр Семенович закончил высшее техническое училище имени Баумана, трудится на ливенском «Промприборе». Щемит и замирает сердце, когда вспоминает судьбу своих много-

страдальных предков. Несколько лет назад узнал, что на Екатериновском кладбище врос в землю памятник с могилы прапрадеда Федора Константиновича, о котором мы писали в начале этого повествования. Откопал, привел в порядок, установил, как нужно. Чтобы не стигнул бесследно корень Головиных, оставался не только в памяти, но и наяву.

Надгробие Константина Федоровича Головина на Екатериновском кладбище.

Городское кладбище

Вэтом повествовании рассказывается о старом городском кладбище, располагавшемся когда-то там, где в середине прошлого века возник насосный завод, позднее ставший первой площадкой АО «ГМС Ливгидромаш».

Появление этого места погребения умерших обязано регулярному плану Ливен, утвержденному 14 марта 1780 года в Санкт-Петербурге, хотя месторасположение кладбища на нем не показано. Но застройка домами городских улиц велась после его появления по этому плану и, если, начиная со времени строительства города-крепости Ливны в 1586 году, захоронения умерших ливенцев велись вблизи храмов, то эти места по новому плану во многих случаях были заняты строениями. И вообще, план 1780 года предусматривал замену хаотичной планировки города на упорядоченную – улицы были прямыми и пересекались под углом 90 градусов. Свидетельством того, что погребения в старину велись вблизи храмов, являются обнаруженные уже в наше время кости скелетов при рытье котлованов, например, при земляных работах при строительстве Дома Советов на будущей площади Победы в 70-х годах прошлого века (проект не состоялся).

Упомянутый в начале план стал осуществляться в конце 18-го – начале 19-го века, по мере старения домов, деревянных церквей и т.д. Городское кладбище мы впервые увидели на другом плане – 1837 года. Оно показано за северной границей города, и в его правой части находится церковь. Ориентировочно показано несколько десятков захоронений, так что возникновение кладбища, о котором мы рассказывали, можно отнести к началу тридцатых годов 19-го века.

На плане города, датированном 1900 годом, оно четко просматривается на земле Ямской слободы, и именно там, где располагалось до конца своего существования. Церковь к тому времени стала уже

Церковь Христова Вознесения, начало XX века.

каменная, она воздвигнута в 1846 году, имела название Вознесения Христова, но чаще фигурировала как просто Кладбищенская. Служил в ней протоиреем в начале 20-го века Николай Петрович Булгаков, отец нашего земляка, выдающегося философа и богослова Сергея Николаевича Булгакова. «Церковь была мужицкая, серая. Но здесь было другое: отец, совершающий таинство Евхаристии и потрясающий тем нашу душу, его детская восторженность в пасхальную ночь, когда посередине храма водружалась жаровня фимиама, и он наполнялся благоуханием (по типикону), и из светлого храма выходили в темную ночь сада с могилами, поющими своими молчаливыми, но слышимыми голосами: Христос воскрес. С «кладбищем» соединяются у меня еще «небесная музыка сфер: когда ночью, во втором часу, ехали на санях в праздник Рождества Христова или Крещения...» Сергей Николаевич Булгаков написал вышеприведенные воспоминания в 1938 году, будучи высланным за границу, и церковь осталась в его памяти по своему облику скромной и небогатой. И это действительно так, другие храмы города были выше и просторнее, хотя внешний вид Кладбищенской церкви, который мы видим ныне на фотографиях (автору этих строк привелось видеть ее наяву), вызывает, думается, чувство примирения, теплоты и покоя.

Экспериментальный цех в церкви, 1960 год.

А вот у поэта Афанасия Афанасьевича Фета, уроженца Орловщины, посещение этого места вызвало совсем другие чувства. Бывал он здесь в начале семидесятых годов позапрошлого века. Тогда железная дорога была только построена (1871 г.), и он добирался до Ливен по ней. Сюда за ним приезжала коляска, чтобы отвезти в Грайворонку — курское имение Фета. На кладбище среди могил, крестов, зарослей кустарника он увидел простое надгробие и прочитал на нем следующие слова: «Марии... вот тебе мой последний наряд». Защемило сердце от воспоминаний о Марии Лазич, к которой поэт был полон «небывалой любовью». Читая книгу в беседке, на склоне дня она зажгла свечу. Огонь ее перекинулся на кисейное платье Марии, горящим костром она выбежала в сад, просила о помощи. Спасти не удалось... О своих переживаниях на ливенском кладбище Фет написал Льву Николаевичу Толстому...

В 1898 году, как свидетельствует документ, по соседству с кладбищем, рядом с железной дорогой были построены здания размещавшегося в Ливнах пехотного полка (ныне в нем службы АО «ГМС Ливгидромаш»), тем самым ограничив пространство для расширения кладбища, а в тридцатые годы погребения здесь прекратились.

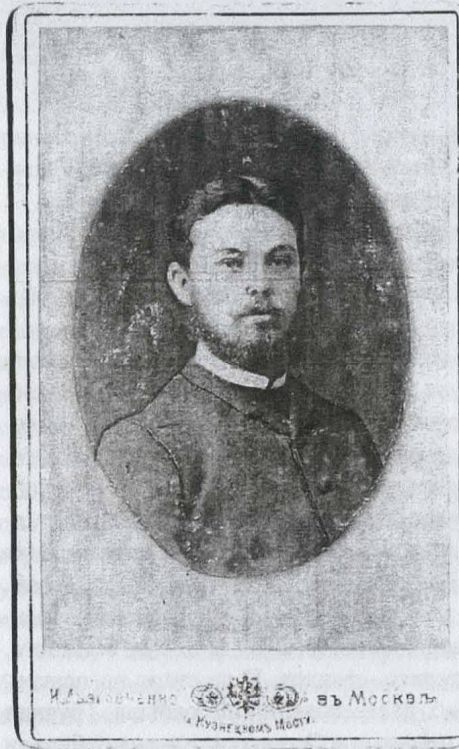
Блок цехов на месте кладбища, 1966 год.

Раньше в рамках «безбожной пятилетки» закрыли храм Вознесения Христова. Священник Петр Андреевич Самоцветов, 1873 года рождения, закончил свой последний путь в Липовчике.

Покой кладбища был нарушен в начале пятидесятых годов прошлого века. Разрушенные войной полковые строения быстро восстановили, и в них разместилось производство насосов завода «Гидромаш», а в 1952 году цех стал самостоятельным предприятием — насосным заводом. Планы были жесткие, выполнять их требовали беспрекословно, а площадей не хватало. Вот и приспособили Вознесенскую церковь под производственное здание — стали делать насосы на экспорт. В начале шестидесятых годов поставили руководить этим церковным участком молодого специалиста Николая Александровича Мельникова — будущего директора завода противопожарного машиностроения. И он был последним начальником производства под церковными сводами. В середине шестидесятых годов храм, простоявший более ста лет, начали рушить — на его месте проектом предусматривалось размещение целого блока цехов, большого, насыщенного множеством станков, стенов. И не стало ни церкви, ни кладбища. Все, что можно, растаскивали еще раньше. Грузили на автомашину памятники и отвозили в Орел, там умельцы убрали надписи и вместо них чеканили новые имена и тексты. Брали над-

гробья и на устройство памятника красноармейцам, погибшим при освобождении Ливен в декабре 1941 года, над их захоронением в городском саду, о чем свидетельствуют сохранившиеся надписи с фамилиями, датами рождения и смерти. А при строительстве цеха надгробья закапывали бульдозером в землю, а иногда черепа и кости желтели на поверхности. Когда начинали копать какой-нибудь котлован экскаватором, то вокруг толпились люди: может быть удастся найти цепочку, крестик, перстень... И находили.

Выкапывают кости и в наше время. Пять лет назад при рытье котлована под очистные сооружения поднимал их ковш экскаватора. Правда, как только об этом узнало начальство, проконсультировались со священнослужителями, и было проведено их захоронение по православным канонам.

В. А. Бондарев, конце XIX века.

Попадают и надгробья. Три года прошло с того времени, как при отрывке котлована под стеной экскаватор поднял памятник. По просьбе автора этих строк его отмыли горячей водой. Читалась надпись: «Василий Алексеевич Бондарев. Родился 6 декабря 1851 года, скончался 30 апреля 1900». Верхняя часть сводчатого параллелепипеда оказалась отколотой, и можно было лишь гадать, что там было: крест или ангел. Выяснилось, что В.А. Бондарев был известным ливенским купцом. Проживал он на углу улиц Покровской (Дружбы Народов) и Новоникольской (Дзержинского) в двухэтажном

доме. С десяток лет назад его сломали и на этом месте построили новый, числится он под номером 104 по улице Дзержинского. Был женат на дочери богатого елецкого купца Жаворонкова, имел магазины, мельницу на реке Тим в Евланово, крупную, с 35 рабочими. После смерти она перешла в собственность дочери – Пелагеи Васильевны, которая была замужем за сыном заводчика Федота Алексеевича Заседателява Михаилом.

Сам Заседательев умер перед революцией, похороны были торжественные, прах его провезли по городу, по главной улице Соборной (Ленина) и захоронили на описываемом кладбище. Человечком в Ливнах он считался заслуженным. В 1873 году построил винокурный завод (ныне ОАО «Этанол») по последнему слову техники. Продукция – спирт и вина – успешно конкурировала на рынке. Владел почти двумя тысячами десятин земли, имел склады для ссыпки зерна, магазины, слыл меценатом, на его деньги была оборудована внутренняя церковь в реальном училище на улице Красной (Пушкина), являлся членом епархиального совета, членом правления по помощи ученикам реального училища. За усердие и меценатство удостоился присвоения звания «Почетный личный и потомственный гражданин г. Ливны», награжден двумя орденами Российской империи – Святого Станислава и Святой Анны.

Захоронения богатых и именитых людей проводились вблизи церкви, а когда места не стало – правее кладбища, ближе к улице Покровской (Акатовской, Дружбы Народов). Видимо, где-то здесь и был погребен заводчик Заседательев.

Если говорить о купеческих фамилиях, то захоронены на кладбище купцы Аксеновы. Родоначальник династии Иван Александрович и сыновья. Яков имел магазины на Соборной улице, торговал мельничными продуктами, имел паровую мельницу в деревне Солodka (ныне Должанский район), на которой работали 80 человек, владел 120 десятинами земли в д. Дубровка. В 1885 году в число 66 гласных (депутатов), избранных в городскую думу, попали пять братьев Аксеновых. Сын Якова Ивановича, Николай, получил звание кандидата коммерции. Кстати, женат он был на дочери заводчика Заседателява Нине, а дочь Я.И. Аксенова Елена вышла замуж за брата выдающегося философа С.Н. Булгакова Алексея.

Я. И. Аксёнов (четвертый слева) в кругу семьи, 1914 г.

Были упокоены здесь и Акатовы, братья Борис и Василий. Сыновья их владели пенькотрепальными заводами в Ливнах, торговали мукой, хлебобулочными продуктами, черными металлами. Внук Василия, Иван Александрович Акатов, занимал пост городского головы в течение 28 лет. В его честь после кончины улицу Петровскую переименовали в Акатовскую (Дружбы Народов)...

Похоронили на этом кладбище и дочь вице-адмирала Степана Осиповича Макарова, русского флотоводца, руководителя двух кругосветных путешествий, в начале русско-японской войны командовавшего Тихоокеанской эскадрой в Порт-Артуре и погибшего на броненосце «Петропавловск» в 1904 году. Жена его Капитолина Николаевна родилась в Ливенском уезде. Перед кругосветным плаванием в 1886 году Степан Осипович привез ее в Ливны вместе с двенадцатилетней дочерью Ольгой. Поселились у сестры Капитолины Николаевны Е.Н. Корыжевой. Во время эпидемии дочь Макарова умерла.

Сын ливенского огородника Иван Матвеев закончил местное реальное училище, затем школу прапорщиков в г. Чугуеве. Участвовал в русско-турецкой войне, войне с Японией, дослужился до генерала, порученца государя Николая II. В первую мировую войну император поручил Матвееву организовать эвакуацию всех государственных учреждений с территории Царства Польского, входящего тогда в со-

став России. Он проделал эту операцию блестяще, государь назвал ее «образцово проведенной». В царское время генерал И.Г.Матвеев награжден восемью орденами и шестью царскими благодарностями. Грянула революция, и стал он «красным генералом», поддерживав большевиков. В 1918 году получил отпуск по болезни, приехал в родные Ливны, вскоре скончался. Поместив некролог, об этом на первой странице во втором номере сообщила газета «Пахарь», орган местного Совета, который в то время был эсеровским. Похоронили генерала Матвеева на городском кладбище «со всеми надлежащими его званию почестями», как сообщала газета. Есть сведения, что дочь его Татьяна еще в довоенное время приезжала в Ливны, сняла памятную доску и увезла в Москву.

Похоронен на кладбище и врач-бессеребренник Михаил Николаевич Маслов — ливенский помещик, организатор и врач сельской больницы в д. Козловке, которая работала до наших дней, в народе называли ее «Масловской». Упразднена в связи с реформой здравоохранения несколько лет назад. В 1918 году поместье его было национализировано, он стал одним из организаторов советской медицины в Ливнах. Слыл весьма уважаемым человеком в городе и уезде. В конце двадцатых годов прошлого века стал преследоваться за «буржуазное прошлое». Его увольняют с работы, вскоре он уходит из жизни. Как писала газета «Красное знамя», орган Елецкого округа, куда входил Ливенский уезд, «...В морозном воздухе зычно гудели колокола всех церквей, бесконечное число венков... плыло среди пестрой толпы... в том числе от советских организаций...»

Есть сведения, что еще раньше, в августе 1918 года на этом кладбище были похоронены жертвы крестьянского восстания. Тогда со стороны восставших было убито триста человек, со стороны советской власти погибло восемьдесят человек.

Так в воспоминаниях писал автор книги «Ливны» Сергей Петрович Волков: «Ночью 21 августа несколько подвод стали собирать трупы. Грузили их навалом и везли к кладбищу, мотались рваные штаны, пиджаки и рубахи... восставших и красногвардейцев сортировали и хоронили в отдельные могилы...» Эту картину он видел собственными глазами.

Перезахоронение сторонников советской власти было проведено позднее в северной части старого Заливского кладбища, и памятник там стоит до настоящего времени.

В конце этого повествования обратимся к высказыванию выдающегося отечественного ученого в области литературоведения, истории и культуры Дмитрия Сергеевича Лихачева. В очерке «Память» он писал: «... важно воспитываться молодежи в моральном климате памяти: памяти семейной, памяти народной, памяти культурной... Уважать труд наших предков, обычаи, песни, развлечения. И могилы наших предков...»

Городское кладбище, ставшее пепелищем, взывает к покаянию перед нашими давно ушедшими из жизни предками. И символом этого покаяния стала часовня Вознесения Христова, возведенная несколько лет назад трудами ливгидромашевцев.

Часовня Вознесения Христова, 2005 г.

Из истории выборов в Ливнах

После выборов в Государственную Думу, областной, городской и районный Совет, думается, нашим читателям будет небезынтересно узнать о том, как проходили выборы, кого избирали ливенцы в минувшее время.

Почетный выбор

Впервые нашим предкам был доверен весьма ответственный выбор в 1613 году. Тогда, после нескольких лет смуты, когда Москву очистили от поляков, наступило время избрания царя. Рассылаются грамоты в города, чтобы выезжали в Москву люди выборные из всех сословий, честные и разумные. Пришло приглашение и в Ливны, где был еще свеж в памяти мятеж местных стрельцов, казаков, пушкарей против власти, когда они казнили воеводу и покорились Лжедмитрию II. Надоели им бедствия и тяготы тревожной пограничной жизни, вразумили ливенский люд невзгоды и решили послать в Москву во главе делегации человека справедливого, властного, грамотного. После долгих споров решили доверить дело государственной важности попу Гавриле, настоятелю церкви Страстотерпца Христова Георгия, что стояла в Егорьевской казачьей слободе, располагавшейся между малым острогом и речкой Пересыханкой (ныне район улицы Дружбы Народов). И поехал санный обоз с ливенской делегацией во главе с попом Гаврилою в Москву. Здесь следует сказать, что из ближайших соседних городов на соборе были представители Мценска и Новосиля. А вот об Орле и Ельце упоминания нет.

На 21 февраля 1613 года были назначены выборы. Мнение высказано единое: быть царем Михаилу Романову. Выбор делегатов зафиксировала грамота, написанная на больших листах качественной александрийской бумаги. В конце текста делегаты расписывались. Есть там и такая запись: «С Ливен выборный Егорьевский поп Гаврило и детей боярских и казаков вместо руку приложил». И в истории становления российского государства эту запись ливенца невозможно не замечать. Потом в городе и сельской местности приходилось выбирать разных должностных лиц, но выбор 1613 года был самым почетным и ответственным.

Земские и думские выборы

Значительная часть граждан России получила право участвовать в выборах земских собраний согласно Положению о губернских и уездных земских учреждениях, принятому после земской реформы 1864 года. По Ливенскому уезду правом участия в выборах пользовались люди, имеющие не менее 125 десятин земли. В 1912 году из 32 избранных депутатов (гласных) в ливенское уездное собрание 20 представили дворянство, 4 – мещан и 8 – крестьян. Четвертую часть, как видим, составляли крестьяне, богатые, умеющие вести хозяйство рачительно. В 1909 году в Орловскую губернскую управу избран от Ливен Сергей Николаевич Маслов (сын главы города в 80-х годах XIX века и брат известного врача М.Н.Маслова), имевший в собственности 864 десятины земли.

Выборы по закону должны быть тайными и равноправными. На деле было по-другому. Группа ливенских избирателей писала орловскому губернатору: «... на столе стояло 6 избирательных урн по числу избиравшихся. Баллотировались господа Савков (купец, *здесь и далее примечания автора*), Адамов (купец, владелец крупнейшей мельницы), Чеботарев (врач), Аксенов (купец, хлеботорговец), Булгаков (известный русский философ, уроженец Ливен). У первой урны стоял Адамов, во второй урне избирался сам Адамов... Из баллотировавшихся лиц никто не удалялся в отдельную комнату... Легко себе представить, как себя чувствовали избиратели, когда им приходилось голосовать чуть ли не на глазах баллотировавшихся лиц...» Это мы привели фрагмент заявления ливенских выборщи-

*С.Н. Булгаков,
депутат II Государственной думы.*

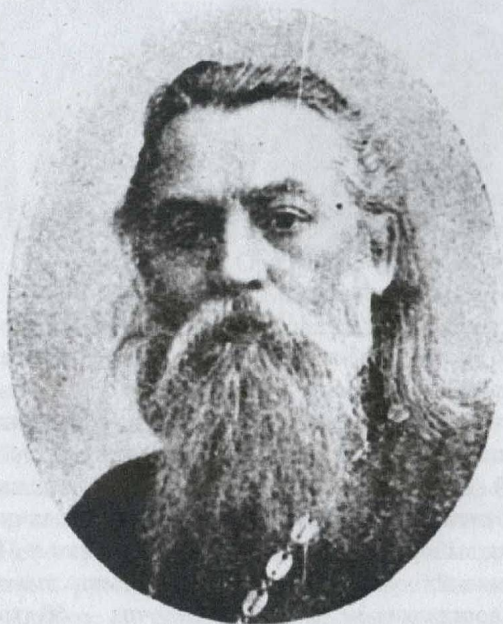
ков в Первую Государственную Думу в 1906 году, которая учреждена Манифестом 1905 года.

Царь Николай II был вынужден принять этот Манифест после широких оппозиционных выступлений, вплоть до погрома помещичьих имений. Тогда избиратели делились на группы: землевладельцы, городское население, рабочие, крестьяне. Каждая группа по этапам избирала выборщиков и лишь они — депутатов. Причем, если один выборщик избирался от двух тысяч землевладельцев, то норма от крестьян составляла 30 тысяч, а от рабочих — 50 тысяч. Женщины права участвовать в выборах не имели, также, как молодые люди до 25 лет, военнослужащие, некоторые национальные меньшинства.

Пришли голосовать половина избирателей. От Ливенского уезда в Думу прошли крестьянин Н.Д. Алехин и землевладелец М.Е. Ку-

канов. Первому было 27 лет, жил в селе Нижне-Ольшаное (ныне Должанский район), воевал с японцами в Порт-Артуре, представлен к награждению Георгиевским крестом. В Думе входил в группу трудовиков, принимал участие в разработке закона об отчуждении помещичьих земель в пользу крестьян. Второй участник закончил учительскую семинарию, имел три небольших земельных надела, работал сельским учителем в с. Куракино Малоархангельского уезда. Как и Алехин, входил в группу трудовиков, выступал по аграрным вопросам.

Победы и поражения

*П.А. Покровский,
депутат IV Государственной думы.*

В Первую Думу наш земляк, философ и богослов Сергей Николаевич Булгаков не прошел, да и просуществовала она меньше года, так как кадетская партия, одержавшая победу, шла вразрез с царем, поэтому он Думу распустил. А вот во II Думу он был избран и выступал с трибуны по разным вопросам: о деятельности военно-полевых судов, о революционном состоянии общества. Вторым избранником — земледелец д. Лески Медвеженской волости Ливенского уезда М.А. Карпов, награжденный в войне с Японией тремя Георгиевскими крестами.

Следует сказать, что в IV Думу от Ливен избирался в 1912 году отец Павел Покровский, благочинный церкви города. Учительствовал в школах. В Думе состоял во фракции русских националистов, работал в комиссиях по библиотекам и народному образованию.

После выборов в Думу IV созыва С.Н. Булгаков писал в своем дневнике: «... Я наполовину не верил газетным сообщениям... до тех пор, пока своими глазами не увидел, с какой бесцеремонностью и с каким неуважением к праву и самой идее выборов велась эта кампания в нашей губернии: здесь были применены все средства — запугивания со стороны начальства, исключение из выборов в последний момент, правительственные эмиссары, правительственные кандидаты...» (Строки эти написаны более ста лет назад, а будто бы ныне). Между прочим, из 442 избранных депутатов 14 представляли рабочий класс: токари, слесари...

«Голосовать не разрешали...»

Февральская революция 1917 года смела в России царскую власть. Временное правительство стремилось к демократическим преобразованиям. В августе 1917 года проводились выборы в Ливенскую городскую думу. Поменялись названия партий, но правила нарушались по-прежнему. В списке №1 фигурировали служащие и мещане, №2 — совет рабочих и солдатских депутатов, №3 — торговцы и промышленники, №4 — еврейская община, №5 — учительство и духовенство, №6 — союз портных. Из принявших участие в выборах 3616 избирателей, 38% получил список №1, №2 — 29%. Вслед председатель совета Федорович жаловался губернатору: «... служащие городской управы

*Н.Н. Поликарпов, депутат
Верховного Совета СССР, 1940 г.*

уговаривали избирателей голосовать за список №1, за список №2... совершенно не разрешали голосовать...» Но зато вновь избранный голова города Матосов рапортовал: «... выборы проходили с 9 утра до 9 вечера. Полный порядок... Население к выборам отнеслось спокойно».

5 декабря 1936 года VIII съезд Советов принял новую конституцию, по выражению И.В. Сталина, «самую демократическую в мире». Вводилось всеобщее избирательное право и прямое тайное голосование. Повсеместно распространилась практика выдвижения единственного кандидата в депутаты, подобранного партийными органами.

В декабре 1937 года прошли выборы в Верховный Совет страны. Примечательно, что кандидатом в депутаты (и был избран) от

*Кандидаты в депутаты в Верховный Совет РСФСР
Н.А.Смагин (слева) и А.Н.Алешин.*

республики немцев Поволжья (было такое образование до войны) проходил наш земляк, выдающийся авиаконструктор Николай Николаевич Поликарпов. Вообще говоря, не избрание кандидата в депутаты было редким случаем, да и то на местном уровне, например, в сельские советы. В основном явка и число поданных голосов за кандидата было не ниже 99%. А вот во время выдвижения и обсуждения кандидатур случались казусы, иногда трагические. Так, в сель-

хозартели «Красное утро» (с. Успенское) обсуждалась кандидатура в депутаты Верховного Совета начальника управления народного комиссариата внутренних дел П.Ш. Симановского. Учитель географии Тихон Григорьевич Пеньков поинтересовался на собрании: почему надо выбирать чужого человека, а не кого-нибудь из своих. Вскоре исчез сельский учитель и объявился лишь через 10 лет. Правда, в 1940 году Симановскому тоже не повезло – был объявлен врагом народа и расстрелян.

Так и двигалось все годами по накатанной колее – кандидаты выдвигались в недрах партийной бюрократии, а послушные избиратели «единодушно отдавали свои голоса за блок коммунистов и беспартийных». Однако традиции дали большую трещину, а если сказать точнее, разрушились на выборах в Верховный Совет РСФСР в 1989 году, когда в Ливнах баллотировались два кандидата разных весовых категорий: политический тяжеловес второй секретарь обкома партии Алексей Николаевич Алешин и неприметный начальник цеха с «Ливгидромаша» Николай Алексеевич Смагин. Перекованные горбачевской перестройкой избиратели, неожиданно предпочли второго – Смагин набрал 54% голосов, Алешин – 39%.

Аномальными можно назвать и выборы губернатора Орловской области в 1990 году, когда Егор Семенович Строев потерпел крупное фиаско лишь в Ливнах, хотя в целом на Орловщине одержал победу...

Впереди новые выборы и пусть они не «нагоняют приступы духовной ностальгии», как они нагоняли С.Н. Булгакову сто лет назад, когда он взялся за перо и рассказал, «чем полна душа и от чего она болит».

Содержание:

Как пастух стал городским головою	3
Начинались судьбы в Ливнах	9
Головины	16
Городское кладбище	22
Из истории выборов в Ливнах	31

Геннадий Витальевич Рыжкин.

Краеведческие записки.

Выпуск шестой.

(сборник статей)

Произведения Г. Рыжкина

(проза)

- Страницы ливенской жизни, 1996, Орел, 176 с.
Ливенские были, 1997, Орел, 238 с.
Ливенские дали, 2000, Орел, 455 с.
В зареве грозном, 2005, Ливны, 214 с.
Ливенская старина, 2005, Ливны, 402 с.
Ливенское краеведение, 2006, Ливны, 102 с.
Ливенские улицы, 2007, Ливны, 199 с.
Ливны на старых открытках, 2008, Ливны, 74 с.
Гордость ливенского края, 2008, Ливны, 377 с.
Люди и судьбы, 2008, Ливны, 156 с.
Ливенская крепость, 2011, Ливны, 40 с.
Ливенская родословная, 2011, Орел, 407 с.
Ливенские просторы, 2011, Ливны, 28 с.
Что в имени твоём (ливенская топонимика), 2011, Ливны, 32 с.
Ливенские села, 2011, Ливны, 68 с.
Краеведческие записки, в. 1, 2, 2011-2012, Ливны 52+48 с.
История ливенского края, ч. 1, 2011, Орел, 408 с.
История ливенского края, ч. 2, 2012, Орел, 464 с.
Ливенские улицы, 2012, Ливны, 84 с.
Ливенские слободы, 2012, Ливны, 36 с.
Церкви Ливенского района, 2012, Ливны, 24 с.
Краеведческие записки, в. 3, 2013, Ливны, 32 с.
История Ливенского края в двух частях, Орел, 852 с.
Краеведческие записки, в. 4, 2014, Ливны, 24 с.
Ливенское купечество, 2014, Ливны, 48 с.
Страницы ливенской истории, 2014, Орел, 36 с.
Ливенцы — Георгиевские кавалеры, 2014, Ливны, 24 с.
Старые Ливны (открытки), 2014, Ливны, 18+18+18+18
Репрессии в Ливнах, 2014, Ливны, 40 с.
Выстояли и победили, 2014, Орел, 152 с.
Случаи из ливенской истории, 2015, Орел, 36 с.
Ливенское Пососенье, 2015, Орел, 68 с.
Ливны и война (фото), 2015, Ливны, 28 с.
Ливенская железная дорога, 2015, Ливны, 28 с.
Краеведческие записки, в. 5, 2015, Ливны, 36 с.
Ливны литературные, 2016, Орел, 224 с.
Ливенские памятники, 2016, Орел, 64 с.
Вехи ливенского прошлого, 2016, Орел, 244 с.
Старинные улицы Ливен, 2017, Орел, 102 с.
Краеведческие записки, в. 6, 2017, Ливны, 40 с.